

Сопелька и последыш / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Сопелька и последыш / рассказ СОПЕЛЬКА И ПОСЛЕДЫШ

Вернулась Александра с пустым ведром и Сопелькой подмышкой. Сопелька кряхтела и цеплялась за спущенные штанишки. Штанишки были на ней самым негрязным местом.

— Держи! — сунула ребёнка Насте. Настя ошалело приняла кряхтящее существо и неподвижно и немо держала на вытянутых руках. Шурка исчезла и мгновенно возникла — с горшком и клизмой: — Сюда давай! И распластала ребенка на собачьем коврике. На коврике застонали и тихо захныкали. — А мы сейчас быстренько, а не больно, а не ной, а то собачке отдадим, — деловито заговаривала Шурка. — Что за мамаша поганая, аборт делать надо: а вот и всё, сейчас получится, ну и молодец, а теперь мыться. Насть, поможешь, а то одной там не подступиться.

И Настя идёт помогать. Они вдвоём отмывают дворовую, бесприютную Сопельку до рахитичной девочки.

Настя держит девочку за вспученные чистые рёбра, и не может её никак полностью ощутить. Вот, живое, и дышит, а то ли есть в руках, то ли нет.

У Насти стонет под сердцем и стыдно за человечество.

— Откуда она... такая? — спрашивает Настя, думая, не забрать ли себе и что по этому поводу скажет мама.

— А, так вот — мать прав лишили, а детей в приют не сдаёт, не кормит, не моет, живут на улице — кто подаст. Дворняги. — Шурка привычно исследовала то, что получилось в горшке. — Песка налопалась. С голодухи.

— Что? — ужаснулась Настя. — И кроме этой — ещё есть?

— Двое, — подтвердила Шурка, — но постарше, а это — дитя. Господи! Ещё и вшивая!

Шурка хватается за аптечку.

– Она мне собак заразит! Терпеть её не могу! – кричит она в отчаянии. – Ты знаешь, сколько эта малявка жрёт?!

Через полчаса остриженное, обритое, намазанное собачьим блошиным мылом детское существо сидит за столом и ест, ест... Ест... Всё подряд.

Рядом сидит печальная эрделька Хелка и две взрослые женщины, и лицо у Шурки сейчас, как у осени на дворе. Ребёнок, наконец, тычет ложкой Хелке в морду, собака деликатно отворачивается, девочка, тяжело дыша, сползает с табуретки и криво ковыляет в комнату.

Хелка уходит следом и прибирает её к себе под стол.

Шурка хватает «Пегас» и кофейную банку.

Дверь на балкон взывает, но выдерживает.

Во дворе качается осень, вверх-вниз. В небо, похожее на погасший телеэкран, и навзничь, на серый асфальт. Вверх-вниз, сквозь проросший песком металлолом, детсадовский и консервный.

Осень качается из-под земли в цветные дымы.

А с начала августа всё под деревьями бурое с черным, и листья не гнутся, разбиваясь об асфальт с сухим треском, а осень это потому лишь, что так обещал Пушкин.

– В прошлое воскресенье матушка её стеклоочистителя нажралась, пошла фиолетовыми пятнами, думали – помрёт. Как бы не так! Откачали. Она тут же сняла какого-то синяка, дверь заперли, детей на улицу, вечер, холодрыга, старшие по подъездам разбежались, а эта – в песочек поиграться. Сидит, икает и почти не шевелится. Я с работы – через песочницу, так короче, темень. Споткнулась, здрасьте! Отмыла, отогрела! Накормила, а девать куда? Некуда, мужика жду. Понесла к мамаше – хоть дверь высаживай. Пришлось обратно. Мужика, понятно, восвояси, своих от бабки дождалась, Маньку к себе в кровать, постелила этой на её месте, а кривулька меня спрашивает: «А это такое – чево?» Какое, думаю, ещё чево? А она остороженько простынь гладит – постели в жизни не видела...

– А ты удочери, – пытается шелестеть Настя.

– Не дадут! Вот своих без мужа могу рожать, хоть дюжину, никого не заволнует, чем кормить стану, а вот чужого одного – перевернутся – не дадут. Ходила уже. В приют, говорят, пожалуйста, а в квартиру – ни-ни.

Настя виновато моргает.

– Да и не люблю я её, – морщится Александра. – Грязнуля. У моих собак даже блохи за жизнь не завелось.

Шурка смотрит под стол.

Хелка обернулась вокруг ребёнка толстой шиной и горячо дышит в куриную грудь.

Про нелюбовь – Настя не верит. Вдруг видит – не Шурка, так Хелка возьмёт Сопельку на довольствие и выправит человеческий рахит, и Сопелька, не доверяя белым простыням, приютится на собачьей подстилке и примет собачью устоявшуюся веру в добро и начнет, быть может, новую точку в человечестве, а Шурка, как Бог, будет обогревать доступную Вселенную...

Под столом Сопелька пытается пересчитать у собачки дырки в носу.

– Тьфу ты... – Обе женщины хватаются за спасительный «Пегас», который много не выкуришь, потому что не пахнет... Ни сандалом, ни розами...

«Уу-уу! Уу-у!» Настя втянула в себя колени и локти и сидит неподвижно руконогим неведомым насекомым.

Шурка рассредоточила себя на табуретке обильной и крепкой редькой и курит, щуря жесткие карие глаза. Шурка, замотанная, поскольку сегодня воскресенье и быт потому неисчислимей, чем в прочие трудовые дни, измученно вопрошает:

– Ну что с ней делать?

Не стены, а решето, думает Настя, прислушиваясь. Ей чудится: – Не могу-уу... не могу-у...

Настя выпрямляется из насекомой позы в почти человеческую:

– Шур, а чего там?

– Митька с квартиры съехал, а вместо него баба заселилась. Сумасшедшая. Воет сутками. Ещё и дверь открывает, о, Господи!

– А дверь – зачем?

– Чтоб сочувствовали, – усмехается Шурка.

Настя тут же предлагает:

– Может, посочувствовать?

– Не помогает. Жалели уже... По очереди. Она всерьёз тронутая.

– С чего сбесилась? – спрашивает Настя.

– Мужик сгорел.

– На пожаре?

– Откуда у нас пожары... От запоя.

Настя пожимает плечами:

– Чего ж выть-то?

– Да он вправду сгорел. Пламенем. Валялся у скамейки, а кто-то окурок бросил, а он и схватился. Она ему кожу для пересадки, а у него не приживается. А она – что же, говорит, я, дура, вместе с ним не пила – тогда бы принялось.

– Рассадник... – неожиданно зло цедит Настя.

– Ты, Насть, в другом подъезде, у вас там только режут. А я – с одной стороны демократка с маразмами, а с другой – эта.

А Валерка сверху видик купил, теперь мой Тимка у него ошивается, смотрит, как бабы мужиков насилуют.

– Выпори.

– Может, и выпорю, а дальше как?

– Квартиру смени.

– Ну, да! В другом месте – культпросветучилище! Может придумаешь чего... – теряет последнюю надежду Шурка. – Которую ночь не сплю!

Настя рассерженно фыркает и потерянно слушает, как в соседней комнате начинает тоскливо подвывать Хэлк.

«Уу-уу... У-уу... Уу... » – повторяет она вслед застенным стонам.

Шурка шипит.

– Шурочка, – бормочет Настя, боясь, что Хэлку сейчас изгонят

обратно на помойку, – Шурочка, говорят – теперь душевнобольных щенками лечат... Помогает, говорят...

– То-то собак в городе развелось... – Шурка давит бычок твердым ногтем. Бычок, хрустнув, рассыпается в пепел. – Ну, валяй, давай, иди лечи! В ФРГ, говорят, сумасшедших держат в клиниках. И продукты там есть, говорят. И, говорят, даже съедобные.

– Ты что... поехала бы!

– Поехала бы... Куда!? Чтоб оно все! – орет Шурка, которая обед может приготовить только из распоследней морской капусты, недоеденной кошкой Варварой, у которой было тяжелое беременное детство.

– Шурочка, – почти шепчет Настя, – может туда Хэлку?

– Чтоб и собака спятила?

Шуркин взгляд падает на невозмутимую Варвару, которая сидит на последнем не пристроенном котенке. Котенок тарахтит у неё в хвосте. Кошка независимо и удовлетворенно щурится от человечества в сторону, и Шурка вдруг понимает, что бездонная Варвара опять тяжело беременна.

– И не разорвет, проклятую!.. – ругается Шурка, выхватывает из-под неё последыша и выбегает.

«У-уу... Уууу... – слушает Настя.

Шурки нет долго.

Пока её нет, Настя домывает посуду и крошит в морскую капусту какие-то сухопутные куски, может быть, получится хотя бы салат.

Потом на цыпочках возвращается Шурка и на половине коридора замирает. Прислушивается.

За стеной тихо.

Об авторе: ИРИНА ФЕДОРЕЦ

(196?-2003)

В 18 лет поступила в один из московских театральных вузов. Через год уехала на Север за романтикой. Вернулась. Поступила в Литературный институт. Два раза его бросала, восстанавливалась, окончила. Училась на сценарном факультете ВГИКа. Neкаýalar